

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ МЕЩАНСТВО В ПОВЕСТИ М. ГОРЬКОГО «ГОРОДОК ОКУРОВ»

А. И. Иванов

Тамбовский государственный университет

Поступила в редакцию 1 сентября 2018 г.

Аннотация: *Анализируется авторское отношение к российскому мещанству в повести «Городок Окуров». В этом произведении зачастую виделась лишь позиция Горького-социалиста. Однако мещанский мир в Окурове дает возможность увидеть не только традиционно воспринимаемую обывательскую среду после революции 1905 г. На наш взгляд, Горький-художник изобразил отечественную провинцию между двумя войнами, а также мещанство, которое начинает задумываться о своем месте в России начала века.*

Ключевые слова: провинция, повседневная жизнь, мещанство, авторская позиция.

Abstract: *In the short novel The Town Of Okurov the author analyzes his attitude towards the Russian petty bourgeoisie. This literary work has often been regarded as one in which Maxim Gorky manifested his socialist views. However the society of petty bourgeois in Okurov provides an unconventional point of view on everyman's life after the revolution of 1905. In our opinion Gorky has successfully depicted the Russian provincial life between the two wars as well as lower middle classes as they start musing on their role in the Russian society at the outset of the 20th century.*

Keywords: province, everyday life, petty bourgeoisie, author's attitude

Россия начала двадцатого столетия. 1909 год: только что закончилась Русско-японская война и Первая русская революция, впереди Первая мировая война и две революции. Чем живет в это время русская глубинка, основу которой составляет не дворянство, не крестьянство, не купечество, а мещанство — ремесленники, лавочники, мелкие предприниматели из разбогатевших крестьян? Кто он, этот «человек предместья», неперемненные атрибуты жизни которого — герань и клетка с канарейкой? Городок Окуров из одноименного произведения (1909) и стал для М. Горького местом для поиска ответов на эти вопросы.

Долгое время в советском литературоведении эта повесть воспринималась как отражение социально-политической обстановки в глубинной России после Первой русской революции (1905). Считалось, что значительным литературным явлением «Городок Окуров» сделал «показ того, как мещанская косность и бедность разума перерастали в ограниченность и реакцию политическую», а «окуровщина» «как олицетворение ветхозаветной замкнутости и враждебности ко всему новому быстро стала нарицательным понятием» [1, с. 313]. Утверждалось, что в мещанстве, изображенном в окуровском цикле, «Горький видит один из оплотов царского самодержавия, а в умонастроении его — социальную почву реакционных антидемократических идей» [2, с. 245]. В подобного рода суждениях, кочевавших из

учебника в учебник, напоминающих отслужившие свое время пособия по истории политических движений, на первое место ставилась позиция «писателя-социалиста», но не художественные достоинства произведения.

На последнюю роль в «политизации» произведения сыграли слова самого Горького, сказанные им в советское время в статье «О самом главном» (1932): «Исчезают древние городки Окуровы, гнездища тупых мещан, людей ленивого ума, мелких паразитов, которые всю жизнь жульнически старались разбогатеть на крови рабочих, крестьян и умирают полунщиками. Вместо Окуровых в центрах промышленности создаются новые, социалистические города, уничтожая в стране древний идиотизм мещанства, скопища деревянных особнячков, в три окна, душевные чуланы... где изо дня в день непрерывно шла мелкая борьба зоологического индивидуализма слепых, самолюбия, самости, ячества, зависти, жадности и всякой гадости» [3, с. 634]. Сказано в полном соответствии с идеологией 1930-х годов. Правда, в это время уже появился «Город Градов», где А. Платонов увидел новый идиотизм, а М. Зощенко, например, во всей красе показал новое мещанство. Но насколько эта хлесткая характеристика мещанства, прозвучавшая у Горького-публициста советского времени, соответствует облику окуровцев, изображенных Горьким-художником?

Ко времени появления «Городка Окурова» русская литература и журналистика накопили огромный опыт в исследовании отечественной провинции [4,

с. 625]. И этот художественный опыт отечественной литературы и журналистики XVIII—XIX веков, конечно же, был востребован М. Горьким-художником, что не позволило ему прибегнуть к однозначной оценке провинции. Можно, наверное, увидеть элементы откровенно-сатирического изображения, например, в начальной характеристике Окурова и окуровцев. В частности, в мрачноватом колорите города, который «имеет форму намогильного креста: в комле женский монастырь и кладбище, вершину — Заречье — отрезала Путаница, на левом крыле — серая от старости тюрьма, а на правом — ветхая усадьба господ Бубновых...» [3, с. 8]. Или в авторской иронии по отношению к более богатым жителям Окурова: «Жили на Шихане благодушно и не очень голодно, преуказаниям начальства повиновались мирно, старину помнили крепко, но, когда встречалась надобность, гибко уступали и новым требованиям времени: так, заметив избыток девиц, мещанство решило строить прогимназию.

– Всех девок, видно, замуж не выдашь, — стало быть, пусть идут на службу в учительницы!» [3, с. 9]. Но этими примерами, пожалуй, и исчерпывается «явная» ирония Горького.

Как в дореволюционных, так и в современных исследованиях темы мещанства в произведениях Горького можно встретить справедливые суждения о сложности, неоднозначности русских мещан. Несмотря на, в общем-то, негативное отношение к мещанству ему даны довольно чёткие определения с точки зрения социальной, этической, политической [5]. Но повсюду даётся понять, что это нечто однородное, постоянное. А жизнь мещан — монотонная, однообразная смена будней. Между тем еще в начале восьмидесятых годов XIX века стало меняться отношение к мещанству, обыденной жизни так называемого среднего человека. На смену обличительству приходит стремление «проникнуть в тайны современности», разобраться в них. Размышляя о переходе сатиры к «бытовым вещам», о сложности так называемого среднего человека, М. Е. Салтыков-Щедрин прозорливо заметил «потрясающие драмы», которые «переполняют жизненную обыденность» [6, с. 343]. — то, что стало затем основной темой произведений Чехова [7, с. 200].

Обращаясь к проблеме мещанства в творчестве Горького, немецкий исследователь Н. Катцер задается вопросом, является ли мещанство признанной социальной прослойкой или же это «воплощение неподвластной времени жизненной философии корыстного, к искусству и всему возвышенному враждебно настроенного обывателя»? [4, с. 625]. Сюда же следует отнести и вопрос о том, насколько раскрылся мир обывателя взору Горького-художника или он увиден Горьким-социал-демократом? Для ответа на эти вопросы перелистаем страницы «Городка Окурова», чтобы увидеть, насколько сложен этот слой

населения, и как в повседневной монотонной жизни окуровцев переплелись естественные, биологические и социальные начала.

Отношение современников Горького к мещанству, их противоречивые порой оценки повести «Городок Окуров» помогают понять суть горьковских мещан. Для К. Чуковского, например, мещанство — «это прославление цели и целесообразности» [8, с. 262]. Но если, по словам К. Чуковского, глубочайшая и предвечная сущность мещанства — *утилитаризм*, то можно ли в таком случае считать мещанином окуровца Павла Стрельцова, который «спрашивает у Тиунова всегда о чем-нибудь, имеющем практическое значение:

«– А что, Яков Захарыч, ежели водку чаем настоять — будет с этого мадера?» [3, с. 18].

Трудно обвинить в утилитаризме того же Павла Стрельцова, собирающегося вот уже который год сделать чайник со свистком:

«– Я, конечно, его сделаю, чайник! Со свистком хочется мне, чтоб поставил на огонь и — не думай! Он уж сам позовет, когда вскипит, — свистит он: в крышке у него свисток будет! <...> — А то — колокольчик можно приспособить! На ручке — колокольчик, а внутри, на воде — кружок, в кружке — палочка — так? Теперь — ежели крышку чайника прорезать <...>» [3, с. 19].

Следует сказать, что далеко не все современники Горького видели в «Городке Окурове» социал-демократическую подоплеку. Сразу же после публикации А. В. Амфитеатров писал автору повести: «Спасибо за вторую половину «Городка Окурова». Так как она переходная, то говорить о ней в отдельности подожду, а в целом повторяю: «Окуров» — доказательство, что Вы с каждым новым томом идете все вперед и вперед в высоте изобразительности. *Бытовые декорации и психологический фон написаны в «Окурове» так ярко, что пред ними уже меркнет самое действие.* Да иначе и быть не может: *какое действие в городке Окурове или Теплой слободе? А народ хороший, добротный.* И пишете Вы его так, что смерть в Россию хочется» (Выделено мной. — А.И.) [9, с. 453].

Действия, событий в Окурове, действительно, не много. Окуровцы что-то прослышали о войне с японцами, вызвало тревогу временное отсутствие связи с губернией да еще убийство Симы Девушкина. Пожалуй, и всё. Но в повести передано состояние бездвижности, какого-то зыбкого покоя. И тут невольно вспоминается из школьной физики, что это состояние — одно из сложных в материальном мире. Во времена неведения о том, что же происходит в столицах, в Окурове возникало «настроение нервное, подозрительное и тоскливое» (9, с. 78). «Разбились по группам, сообразно интересам своим, смотрели друг на друга подозрительно, враждебно и не столько слушали, сколько подслушивали друг друга» (9, с. 79). «Общая тревога не угасала,

недоумение не разрешалось — среди этих людей не было сил создать одну мысль и одно чувство...». Но всё ощутимей какие-то непонятные токи, всё громче слышны слова о какой-то свободе:

«— В городе, слышь, чего-то шумят? — задумчиво молвил Четыхер.

— Н-да, шумят, был я там вчера и третьего дни: кричат все, а — что такое? И Вавила кричал — свобода, дескать, надобна, и чтобы каждый сам за себя. Это — есть! Этого — сколько хочешь! [3, с. 91].

«Городок Окуров» — не столько реалистическое воспроизведение обыденной жизни его обывателей, в повести передано *время* — это растущее беспокойство перед общественной бурей, первые признаки которой явлены в картине стихийного митинга и последовавшего за ним столкновения горожан со слободскими жителями. В то же время в повести передано мироощущение горожан, начало пробуждающегося самосознания мещанства, своего места в жизни России. Вот первая, общая авторская характеристика окурцовцев: «Мещане в городе юркие, но сытенькие; занимаются они торговлей красным и другим товаром на сельских ярмарках уезда, скупают пеньку, пряжу, яйца, скот и сено для губернии; жены и дочери их вяжут из разноцветных шерстей туфли, коты, шарфы, фуфайки и дорожные мешки, — это рукоделие издавна привила им монастырская школа, где почти все они учились грамоте. Город славится вязаньем, <...> и, должно быть, эта работа развила у жителей любовь к яркой окраске домов» [3, с. 8].

Но за стенами пестрых домов с цветущими палисадниками — уездный житель, который, по словам доктора Ряхина, «всё делает, но ничего не умеет». А на упрек в мрачности рассуждений ответил:

«— Такова позиция человека уездного, ибо — как сказано во всех географиях — население русских уездных городов сплошь состоит из людей, занимающихся пьянством, карточной игрой и мизантропией». Для уездных жителей, считает философствующий доктор, важно не желание конституции, которая придёт, стоит только подождать, а не торопиться. Философию Толстого он свёл к убеждению: «...ничего не делай, всё сделается само собой» [3, с. 67].

Пробовал во время начавшихся волнений объяснить что-то землякам о сути мещанства его идеолог Яков Тиунов, но забыл, что перед ним — «люди, привыкшие жить и думать одиноко — издревле отученные верить друг другу, На улицу, к миру, выходили не для того, чтобы поделиться с ним своими мыслями, урвать чужое, схватить его и, принеся домой истереть, измельчить в голове, между привычными тяжелыми мыслями о буднях ...» [3, с. 71].

О том, что Окуров — это не что-то однородное, собирательное, — говорится в самом начале повести. Это город, разделенный рекой Путаницей «на две равные части: Шихан, где живут лучшие люди, и Заречье — там ютится низкое мещанство» [3, с. 7].

Окуров — не просто провинция, но провинция, которая начинает осознать свое место в России:

«— Вот, иной раздумаю я — Россия! Как это понять — Россия?» — задается вопросом печник Марк Ключников. И слышит издавшего виды Якова Тиунова:

— Что ж — Россия? Государство она, бесспорно, уездное. Губернских-то городов — считай — десятка четыре, а уездных — тысячи, поди-ка! Тут тебе и Россия.

Помолчав, он добавил:

— Однако — хорошая сторона, только надо это понять, чем хороша, надо посмотреть на нее, на Русь, пристально...» [3, с. 17].

Обобщающие характеристики окурцовцев несколько не затмевают индивидуальных. Среди жителей окурцовской слободы своего рода белой вороной является местный поэт Сима Девушкин: «Юноше нравилось читать свои сочинения этому человеку, и он для него читал особенно: не торопясь, мягким шепотом, старался придать любимым словам особую значительность и порою таинственно толкал слушателя, подчеркивая этим толчком слово или строчку, которые ему казались особенно важными» [3, с. 50].

Каким же чудодейственным образом влияла на душу «квадратного» Четыхера — сторожа притона — незамысловатая поэзия Симы Девушкина:

«— Ну-ка еще! — просил Четыхер, разглядывая из-под мохнатых рыжих бровей серебристое сияние Млечного Пути, радостное горение звезд, медленный ход медного круга луны или тихий бег облаков; смотрел Четыхер, слушал и, двигая плечом, незаметно крестился» [31, с. 50—51].

С нескрываемым детским любопытством смотрит Павел Стрельцов на привычные вещи:

— Вот тоже сахар возьмем — отчего из березового сока сахар не делать? Сок — сладкий, березы — много!

Ему никто не отвечает.

— Также и лён, — почему только лён? А может, и осока, и всякая другая трава годится в дело? Надо всё испробовать!» [3, с. 24].

Не меньшую загадку для местных жителей, чем Тиунов, представляет собой и Вавила Бурмистров: красивый, сильный, склонный к безудержному бунтарству и — доносчик.

Это разнообразие лиц обывателей Окурова — еще одно свидетельство тому, что мещанство — не одноликая, серая масса, а окурцовцы — обыватели, старающиеся понять себя. Повидавший жизнь Яков Тиунов, которого принято было считать идеологом мещанства, спрашивает поэта Симы Девушкина:

«— Как же это ты сочиняешь, интересно мне?

Юноша обрадовался, охотно и легко стал говорить» [3, с. 52]. Стал говорить о том, как и о чем он думает, как приходят стихи и почему они такие грустные. Что хотел услышать в его стихах Яков Ти-

унов? Но, видимо, что-то затронуто было в его душе, и грустно и ласково он воскликнул:

«– Эхе-хе, дурачок!» [3, с. 53].

Стихи Девушкина о бедности, о смерти и об одиночестве заставили Якова Тиунова сказать автору меланхолической поэзии, что «все это, конечно, действует в жизни <...>, а людей однако не одолевает». Какую память о себе оставят не злодей, не добрый человек, а такие как Яков Тиунов и Семен Девушкин? Об этом, по мнению Тиунова, следовало бы задуматься молодому поэту.

Именно во время этой продолжительной беседы Тиунов коснулся вопроса о месте мещанства: «Живут в России люди, называемые — мещане. Кто их несчастнее? — подумай. Есть цыгане, они всё бродяжат, по ярмаркам — мужиков лошадьми обманывают, по деревням — кур воруют. Может, они и не делают ничего такого, ну уж так говорится про них. А мещане хоть больше на одном месте трутся — но тоже самые бесполезные в мире жители...» [3, с. 55].

Начавшуюся войну с японцами окурловцы, как и вся Россия, поначалу встретили с уверенностью:

«– Вздурем! <...> — Японсы? Разумному человеку даже смешно самое это слово!»

В Заречье разговоры о войне «вызывали равнодушное эхо:

– Накладем!

И долго несчастья войны не могли поколебать эту мертвую уверенность» [3, с. 25].

«И только один Тиунов вдруг весь подобрался <...>:

– Кто воюет? Россия, Русь! А воеводы кто? Немцы!» [3, с. 25—26].

При этих словах Тиунова вспоминаются некоторые фамилии военачальников Русско-японской войны: Штакельберга Г. К. (не пользовавшийся у солдат популярностью командующий 1-м Сибирским армейским корпусом), Бильдерлинга А. А. (командующий 3-й армией), Каульбарса А. В. (командующий 2-й Маньчжурской армией), П. К. Ренненкампа (командующий Забайкальской казацкой дивизии).

«– Какие они немцы? — неохотно возражали слушатели. — Чай, лет сто русский хлеб ели!» [3, с. 26].

Напомним, что родившись в России, такие офицеры зарекомендовали себя храбрыми воинами и в Первую мировую войну.

«– Репой волка накормишь? Можешь? — серьезно спрашивает Тиунов. — Вы бы послушали, что в городе канатчик Кожемякин говорит про них! Да я и сам знаю!» [3, с. 26].

Заметим при этом, что во время поражений в начавшейся через пять лет Первой мировой войне среди огромной части населения бытовало убеждение, что причиной тому и немецкая кровь у императрицы.

Говоря об особенностях прозы дореволюционного Горького, тот же К. Чуковский заметил: «И в «Исповеди», и в «Городке Окурове», и в «Кожемякине» —

всюду пестрота и широта панорамы, множество весело-написанных лиц, темпераментный размах композиции, самые яркие краски...» [10]. Если же говорить о социальном содержании повести, то можно подчеркнуть, что в «Городке Окурове», в жизни его персонажей, намечается переход из одного состояния в другое, из состояния покоя в движение. Повесть интересна проникновением мысли в изображение. Пробуждающееся сознание необходимости (или возможности?) прежде всего социальных перемен потребует ответа на вопрос: в чем же заключается протест против социальной косности провинции?

Повестью «Городок Окуров» не завершилось исследование провинциального мещанства. Характерно, что уже после написания «Городка Окуров», в июне 1910 г., Горький обратился к Амфитеатрову: «Нет ли у вас в библиотеке истории каких-нибудь уездных городов? Шуи, Клина, Чухломы, Арзамаса? Если есть — пришлите, усердно прошу! Губернских — не надо, имею» [9, с. 473]. В его библиотеке уже были книги об Угличе, о Коврове, о Ростове Великом и др. Скорее всего, М. Горький чувствовал потребность в дальнейшем всестороннем погружении в далеко не простой мир уездной России.

В статьях, посвященных творчеству М. Горького начала века, Д. Философов не раз задавался вопросом о противостоянии Горького-художника Горькому-социал-демократу. На наш взгляд, заслуга Горького-художника в том, что вопреки своему отрицательному отношению к мещанству идеологическому, вопреки доминировавшему в отечественной литературе сатирическому изображению жалкого существования подмастерья, ремесленника, мелкого чиновника он не стал изображать лишь негативное в жизни обывателей русского предместья. Мещанство в «Городке Окурове» — это еще не устоявшаяся, только что начинающая осознать себя среда. Горьковские мещане в данном случае — уже не глуповцы, но еще и не градовцы. В начале XX века, в обстановке накаляющейся классовой борьбы и приближающихся революционных катаклизмов эта пробуждающаяся сила, говоря словами Д. Философова, может послужить или добру, или злу, приложиться к рычагу или дьявольскому, или божескому» [11]. Сколько бы еще понадобилось *мирного* времени, чтобы каждому из окурловцев обрести чувство собственного достоинства, осознать себя как личность?

В 1911 г. М. Горький в письме П. Х. Максиму ска- зал по поводу «Городка Окурова»: «...Вы говорите: “не видал Окурова, у нас на юге таких городов нет”. Знаю, что ваши Окуровы поживее наших, но больше таких, как наши, их свыше 800. Да к ним же отнесите города, подобно Симбирску, Пензе, Рязани, Калуге — много их. И заключены в них великие миллионы русских людей» [3, 633]. Так что судьба окурловцев — это отчасти и судьба многомиллионной российской провинции накануне великих потрясений.

ЛИТЕРАТУРА

1. История русской литературы: В 4 т. Т. 4. Литература конца XIX — начала XX века (1881—1917).— Ленинград: Наука, 1983.

2. Соколов А. Г. История русской литературы конца XIX — начала XX века / А. Г. Соколов.— Москва: Высшая школа, 1984.

3. Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 9. Повести. 1909—1912 / М. Горький.— Москва: ГИХЛ, 1950.

4. Катцер Н. Горький, мещане, мещанство / Н. Катцер // Максим Горький и литературные искания XX столетия. Горьковские чтения.— 2002: Материалы Международной конференции.— Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2004.— С. 625—636.

5. Зайонц Л. «Провинция»: опыт историографии / Л. Зайонц // Отечественные записки.— 2006.— № 5.— С. 27—43.

6. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. 16. Кн. 2. / М. Е. Салтыков-Щедрин.— Москва: Художественная

литература, 1974.

7. Катаев В. Б. Щедринское и нещедринское в русской сатире конца XIX века / В. Б. Катаев // М. Е. Салтыков-Щедрин и русская сатира XVIII — XX веков.— Москва: Наследие, 1998.

8. История русской литературы: XX век: Серебряный век / Под ред. Жоржа Нива, Ильи Сермана, Витторио Страды и Ефима Эткинда.— Москва: Изд. группа «Прогресс» — «Литера», 1995.

9. Литературное наследство. Т. 95. Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка.— Москва: Наука, 1988.

10. Чуковский К. Две души М. Горького / К. Чуковский.— URL: <http://maximgorkiy.narod.ru/ON/chukovsky.htm> (дата обращения 8.08. 2017).

11. Философов Д. В. Конец Горького / Д. В. Философов.— URL: http://dugward.ru/library/filosofov/filosofov_konec_gorkogo.html (дата обращения 8.08. 2017).

*Тамбовский государственный университет
Иванов А. И., профессор кафедры русской и зарубежной
литературы, журналистики
E-mail: ivanov_ai@bk.ru*

*Tambov State University named after G. R. Derzhavin,
Ivanov A. I., Professor at the Russian and Foreign Literature
Department
E-mail: ivanov_ai@bk.ru*